

РУССКИЙ КОММУНИЗМ

Хрущевский период. Сталин умер. Но в стране ничто не изменилось как непосредственное следствие его смерти. Те изменения, которые происходили в стране, были независимы от Сталина и его смерти. Они начались при Сталине. Формальные преобразования высших органов власти еще при жизни Сталина нисколько не меняли существа власти. После смерти Сталина они были ликвидированы, была восстановлена прежняя структура высших органов власти, что тоже не изменило ничего по существу.

Сталин умер, но остались сталинисты и образ жизни, сложившийся при нем. А сталинисты — это не горстка высших партийных руководителей, а сотни тысяч (если не миллионы) начальников и начальничков на всех постах грандиозной системы власти, сотни тысяч активистов во всех учреждениях и предприятиях страны. Годы 1953—1956 превратились в годы ожесточенной борьбы с этим наследием Сталина. По форме это не была борьба, открыто направленная против сталинизма. Никакой определенной линии фронта и никакого четкого размежевания лагерей не было. Борьба проходила в форме бесчисленных стычек по мелочам — по поводу кандидатур в партийные и комсомольские бюро, назначения на должности, присвоения званий и т. д. Но по существу это была борьба против негативных явлений сталинского периода и сталинского режима. Вот некоторые особенности этой борьбы. Бывшие сталинисты все, за редким исключением, перекрасились в антисталинистов или, по крайней мере, перестали заявлять о себе как о сталинистах. Лишь немногие потеряли посты и власть или были понижены. Большинство остались. Многие даже сделали дальнейшие успешные шаги в карьере. Эта борьба происходила главным образом как перерождение массы сталинистов в новую форму, соответствующую духу времени. Но происходило это под давлением массы антисталинистов, которые отчасти открыто стали проявлять свои прежние

тайные настроения, но главным образом появились теперь, в новых условиях, когда исчезла острая опасность быть антисталинистом и когда роль борца против сталинизма становилась более или менее привлекательной. Это не значит, что эта роль не имела своих неприятных последствий. Но эти последствия уже не были такими, какими они могли быть ранее. Антисталинистское давление снизу становилось таким, что с ним нельзя уже было не считаться. Никакой четкой линии фронта в борьбе, повторяю, не было. Она была распылена на бесчисленное множество стычек по конкретным проблемам, каждая из которых по отдельности была пустяковой, но сумма которых составила проблему грандиозного исторического перелома. В этой борьбе порою бывшие сталинисты поступали как смелые критики отживших порядков, а антисталинисты выступали как реакционеры. Имела место мешанина слов, действий и настроений. Но в ней вырисовывалась определенная направленность, результировавшаяся потом в решениях XX съезда партии. Борьба шла внутри партийных организаций и органов власти и управления, что было не делом случая, а проявлением сущности самого социального строя, его структуры, роли упомянутых феноменов.

О том, насколько еще силен был сталинизм, говорил тот факт, что ближайшие соратники Сталина оставались на высотах власти. Сталина набальзамировали и положили в Мавзолею рядом с Лениным. Но уже ощущалось, что сталинизм изжил себя и потерял былую силу. Репрессии прекратились.

Десталинизация. Борьба, о которой я говорил, послужила основой и подготовкой хрущевского «переворота». Десталинизация страны началась еще до доклада Хрущева на XX съезде партии. Доклад Хрущева был итогом этой борьбы. Фактическая десталинизация страны произошла бы и без этого доклада и без решений XX съезда партии, произошла бы явочным порядком. Хрущев использовал фактически начавшуюся десталинизацию страны в интересах личной власти. Придя к власти, он, конечно, отчасти способствовал процессу десталинизации, а отчасти приложил усилия к тому, чтобы удержать его в определенных рамках. Ему не удалось до конца довести ни то ни другое, что потом послужило одной из причин его падения. Десталинизация страны была сложным историческим процессом. И нелепо приписывать ее усилиям и воле одного человека с интеллектом среднего партийного чиновника и с повадками клоуна.

Внешне хрущевский «переворот» выглядел так. Хрущев зачитал на XX съезде партии доклад, разоблачавший «отдельные ошибки периода культа личности». Доклад зачитали во всех партийных организациях. Никакого обсуждения не было. Просто предлагалось принять его к сведению. Одновременно всем партийным органам были даны инструкции, что делать. Убрали портреты, бюсты и памятники Сталина. Прекратили ссылки на него. Выбросили труп Сталина из Мавзолея. Сделали кое-какие послабления в культуре, особенно — в литературе и кино. Заменяли каких-то деятелей сталинского периода в руководстве. Стали предавать гласности кое-какие неприглядные факты прошлого. На Сталина начали сваливать вину за тяжелое положение в стране и за потери в ходе войны. Все эти и другие факты общеизвестны. Совокупность этих фактов и называют десталинизацией советского общества.

Что означала эта десталинизация по существу, с социологической точки зрения? Сталинизм исторический как определенная совокупность принципов организации деловой жизни страны, принципов управления и поддержания порядка и принципов идеологической обработки населения сыграл свою великую историческую роль и исчерпал себя. Он стал помехой для нормальной жизни страны и дальнейшей ее эволюции. В силу исторической инерции он еще сохранял свои позиции. Миллионы людей, которые были оплотом сталинизма, привыкли и не умели жить по-иному, сохраняли свои руководящие позиции и влияние во всех подразделениях общества. Вместе с тем в стране отчасти благодаря сталинизму и отчасти вопреки ему созрели силы и возможности его устранения. В годы войны и в послевоенные годы предприятия и учреждения страны уже во многом стали функционировать не по-сталински. Благодаря культурной революции изменился человеческий материал. И потери в войне не остановили этот процесс. В массах населения назрела потребность жить иначе, назрел протест против сталинских методов, ставших бессмысленными. В сфере управления обществом сложился государственный чиновничий аппарат, который стал играть более важную роль сравнительно с аппаратом сталинского народовластия и сделал последний излишним. В сфере идеологии сталинский уровень идеологии перестал соответствовать интеллектуальному уровню населения и его настроениям. В стране выросли огромные кадры идеологически подготовленных людей, кото-

рым сталинские идеологи казались примитивными и мешали делать то же дело лучше, чем раньше. Десталинизация страны происходила вопреки всему и несмотря ни на что, происходила объективно, явочным порядком. Происходила как естественный процесс созревания, роста, усложнения, дифференциации социального организма. Так что хрущевский «переворот» означал приведение официального состояния общества в соответствие с его фактическими тенденциями и возможностями.

Хрущевский переворот имел успех лишь в той мере, в какой он был официальным признанием того, что уже складывалось фактически. Он имел успех лишь в той мере, в какой нес облегчение и улучшение условий жизни широким массам населения. Он был прежде всего в интересах сложившегося к тому времени мощнейшего слоя руководящих работников всех сортов и уровней (начальников и чиновников), которые стремились сделать свое положение стабильным, обезопасить себя от правящей сталинской мафии, опиравшейся на органы государственной безопасности и массовые репрессии, и от мафий такого рода на всех уровнях социальной иерархии. Этот правящий слой больше всех был подвержен произволу народовластия. Он стал господствующим фактически и хотел иметь личные гарантии своего привилегированного положения.

При Хрущеве, как известно, из лагерей были выпущены и реабилитированы миллионы жертв сталинских репрессий. Но вклад освобожденных из лагерей и реабилитированных бывших заключенных в дело десталинизации советского общества фактически оказался ничтожным. Они уцелели благодаря десталинизации, осуществленной не ими, но сами не были ее источником.

Фактическую десталинизацию советского общества осуществили не те, кто был в ГУЛАГе, а те, кто в нем не были и даже не очень-то пострадали от сталинизма. Антисталинистское движение зародилось в широких массах свободного населения еще во время войны. Оно достигло огромных размеров после войны. Борьба против сталинизма шла на всех уровнях советского общества. И она дала результаты. Запад проглядел эту грандиозную борьбу.

Либералы. В хрущевские годы в среде советской интеллигенции стали приобретать влияние люди, выглядевшие либералами в сравнении с людьми сталинского периода. Они отличались от своих предшественников и конкурентов лучшей образованно-

стью, «большими» способностями и инициативностью, более свободной формой поведения, идеологической терпимостью. Они вносили известное смягчение в образ жизни страны, стремление к западноевропейским формам культуры. Они стимулировали критику недостатков советского общества, сами принимали в ней участие. Вместе с тем они были вполне лояльны к советской системе, выступали от ее имени и в ее интересах. Они заботились лишь о том, как бы получше устроиться в рамках этой системы и самую систему сделать более удобной для их существования.

Было бы несправедливо отрицать ту положительную роль, какую «либералы» сыграли в советской истории. Это было движение, в которое было вовлечено огромное число людей. Деятельность «либералов» проявлялась в миллионах мелких дел, в совокупности оказавших влияние на весь образ жизни советского общества. Если антисталинистское движение проходило в рамках партийных организаций, то либеральное движение вышло за эти рамки и захватило более широкий круг советских учреждений.

Попытки реформ. Хрущев и его либеральные помощники официально признали и без того очевидные недостатки советского общества и приняли решение осуществить перестройку всех аспектов жизни страны, более чем на четверть века предвосхитив горбачевское «новаторство». Решили усовершенствовать работу предприятий, начав переводить многие из них на те самые «самофинансирование» и «самокупаемость», о которых сейчас на весь мир трубят горбачевцы как об открытии в советской экономике. В результате число нерентабельных предприятий возросло, и о лозунге «самокупаемости» забыли. Тогда употребляли словечко «хозрасчет», являющееся сокращением для столь же бессмысленного выражения «хозяйственный расчет». Усовершенствовали работу системы управления. Ввели некие совнархозы (советы народного хозяйства), в результате чего бюрократический аппарат увеличился. Потом их ликвидировали, и бюрократический аппарат увеличился еще более. Делили, объединяли, перекомбинировали и переименовывали министерства, комитеты, управления, тресты и т. п. А число бюрократов росло и росло.

Ликвидация «железного занавеса». В послесталинские годы «железный занавес» практически перестал действовать, причем в обоих направлениях. С одной стороны, Запад начал оказывать

огромное влияние на советское общество, начал превращаться в постоянно действующий фактор жизни большого числа советских людей. Он вторгался в сознание советских людей по множеству каналов, включая пропаганду западного образа жизни, элементы западной технологии, предметы одежды, книги, фильмы, музыку. В Советский Союз устремились многочисленные западные туристы, ученые, деятели культуры. Стремительно расширялись контакты советских людей с ними. Никакие наказания уже не могли остановить этот процесс. Тот факт, что этот процесс нес с собой в Советский Союз прежде всего тлетворное, деморализующее влияние, понимали очень немногие. Но они считались «недобитыми сталинистами». Их мнение подвергалось насмешкам, причем фактически безнаказанным. Советские люди еще не знали тогда, что они становились объектом холодной войны, а советское руководство явно недооценивало эту опасность.

С другой стороны, началось интенсивное проникновение Советского Союза в страны Запада в самых разнообразных формах: расширение дипломатических служб, числа журналистов, ученых, деловых людей, туристов и т. д. Стал складываться значительный слой людей, часто бывавших за границей, имевших регулярные контакты с западными людьми, так или иначе связанных с заграничными делами. Они превращались в привилегированную часть населения, испытывали на себе в первую очередь соблазны западного благополучия. Через них влияние Запада испытывала правящая верхушка. Стали расширяться и усиливаться круги людей, занимавшихся обслуживанием высших слоев общества и верхов власти заграничными вещами.

В кругах интеллектуалов, работавших в идеологических учреждениях, связанных с аппаратом ЦК КПСС и сотрудничавших с КГБ, стало модным утверждать, что Запад есть лучший из миров, когда-либо существовавших и существующих на планете. Это, однако, не мешало им публично разоблачать язвы «лучшего из миров» и доказывать преимущества советского социального строя. В научных кругах стали усиленно щеголять западными именами, подобно тому как побывавшие на Западе и имеющие какой-то доступ к западному миру счастливики стали хвастаться западными вещами.

Брежневская эпоха. Снятие Хрущева и избрание на его место Брежнева в моем окружении не произвело особого впечатления. Оно прошло как заурядный спектакль в заурядной жизни пар-

тийной правящей верхушки, как смена одной правящей мафии другой. По моим наблюдениям, так же равнодушной была вообще реакция населения, которого смена лиц на вершинах власти вообще не касается непосредственно. Хрущевский «переворот» был переворотом прежде всего социальным. Он был подготовлен глубокими переменами в самих основах советского общества. Он отражал перелом в эволюции общества, перелом огромного исторического масштаба и значения. Брежневский же «переворот» был верхушечным, лишь в высших этажах аппарата власти. Он был направлен не против того состояния общества, какое сложилось в послесталинское время, а лишь против нелепостей хрущевского руководства, против Хрущева лично, против хрущевского волюнтаризма, исчерпавшего свои позитивные потенции и превратившегося в авантюризм, опасный для множества лиц в системе власти и для страны в целом. С социологической точки зрения брежневский период явился продолжением хрущевского, но без крайностей переходного характера.

Брежневские годы теперь считаются застойными. На самом деле это фактически неверно. Как раз наоборот, это были годы самого стремительного прогресса во всех основных сферах советского общества. В эти годы Советский Союз стал второй сверхдержавой планеты. Думаю, что со временем они станут предметом беспристрастного исследования. Было построено огромное число новых предприятий. Необычайно усложнились хозяйство, культура и быт населения. Вырос образовательный уровень населения. Возросло число ученых и деятелей культуры. Улучшились бытовые условия для огромного числа людей. Были достигнуты колоссальные успехи в науке и технике. Произошла общая либерализация социальных отношений. Был окончательно ликвидирован «железный занавес», необычайно расширились контакты с Западом.

Тот факт, что одновременно в стране происходило наращивание экономических и бытовых трудностей, а также усиление морального и идейного разложения, ничуть не противоречит сказанному. Это говорит лишь о сложности и противоречивости исторического процесса.

Население страны воспринимало все то положительное, что происходило на его глазах и с его участием, как нечто само собой разумеющееся и акцентировало внимание на недостатках. Даже в достоинствах видели в основном негативный аспект. И главным

предметом ненависти, недовольства и насмешек стало высшее руководство страны во главе с Брежневым.

Брежневизм. Ирония истории заключалась в том, что Брежнев, подражая Сталину по внешним формам власти, был его прямой противоположностью. Именно с его именем оказался связанным стиль руководства, противоположный сталинистскому. Сталинистский стиль руководства был волюнтаристским. Он заключался в том, что высшая власть стремилась насильно заставить население жить и работать так, как хотелось ей, власти. Брежневский же стиль руководства, хотел он этого или нет, оказался приспособленческим. Здесь сама высшая власть приспособлялась к объективно складывавшимся обстоятельствам жизни населения. Высшая власть разыгрывала спектакли волюнтаризма, а на самом деле плелась в хвосте неподвластной ей эволюции страны. Альтернатива сталинизму не есть нечто хорошее. Она может быть столь же гнусной, как и то, альтернативой чему она является. Это лишь две крайности в рамках одного и того же социального феномена.

Другая важнейшая черта брежневского типа власти заключается в том, что система сталинского народовластия исчезла совсем или отошла на задний план, уступив место системе административно-бюрократической, государственной. И третья черта — превращение партийного аппарата в основу, ядро и скелет всей системы власти и управления. Об этом я буду говорить специально в дальнейшем.

Бунтарство. Сейчас говорят о брежневских годах как о годах возрождения сталинских репрессий. Это историческая чушь. Бесспорно, многие люди подвергались репрессиям, многие испытывали всякого рода запреты и ограничения. Но сказать это — значит сказать нечто банальное и пустое. Нужно еще выяснить, почему и какие люди подвергались репрессиям. Брежневские репрессии были, в отличие от сталинских, оборонительными. В послесталинские годы в стране стал назревать протест против условий жизни, в особенности — в среде образованной части населения. Начали сказываться последствия десталинизации и «тлетворное влияние Запада». Поведение довольно большого числа людей стало выходить за рамки дозволенного. Основная масса советского населения встретила враждебно эти бунтарские явления. И брежневское руководство, прибегая к карательным мерам, выражало эту реакцию общества на поведение нарушите-

лей порядка. Власть не изобретала карательные меры по своей инициативе. Она сдерживала назревавший взрыв недовольства.

Это было новое явление в советской истории, а не возрождение репрессий сталинского типа. И число репрессированных было ничтожно. И репресслируемые были не те. Это были не политические противники сталинцев, не крестьяне, не остатки «недобитых контрреволюционеров». Это были люди, воспитанные уже в советских условиях и бунтовавшие в силу специфически социальных причин. Многие из них сами принадлежали к привилегированным слоям.

На мой взгляд, тут произошло совпадение двух важнейших факторов. Первый из них — хрущевская десталинизация стала приносить плоды лишь в брежневские годы. Нужно было время, чтобы эти плоды созрели и заявили о себе открыто и массовым порядком. В брежневские годы десталинизация не прекратилась, а лишь ушла вглубь. Второй фактор — беспрецедентное доселе внимание Запада к бунтарским настроениям в стране и воздействие на советское общество. Несмотря на всякие защитные меры, западная идеологическая атака на Советский Союз оказалась чрезвычайно сильной. Западные радиостанции работали с учетом того, что происходило в нашей стране, и имели огромный успех. Они реагировали на все факты репрессий, причем даже на самые мелкие. Они поддерживали самые разнообразные формы протеста хотя бы уже тем, что предавали их гласности. Масса западных людей посещала Советский Союз и оказывала внимание всем тем, кто каким-то образом протестовал и бунтовал против советских условий жизни. На Западе издавались книги советских неофициальных авторов, печатались статьи о советских деятелях культуры, вступавших в конфликт с советским обществом и властями. Так что советский интеллигентский бунт и культурный взрыв произошел в значительной мере благодаря вниманию и поддержке со стороны Запада. Многие советские люди ломали свою привычную жизнь, шли на риск и на жертвы с расчетом на то, что на них обратят внимание на Западе и окажут поддержку хотя бы самим фактом внимания.

Диссиденты. На Западе советскими диссидентами называют всех тех, кто по каким-то причинам вступает в конфликт с советским общественным строем, его идеологией и системой власти, подвергаясь за это каким-то наказаниям. Тем самым в одну кучу сваливают различные формы оппозиции и протеста: и национа-

листов, и религиозных сектантов, и желающих эмигрировать, и террористов, и политических бунтарей, и жаждущих мирового простора деятелей культуры, и пускающих свои сочинения в «самиздат» писателей.

Диссидентами в Советском Союзе называли не всех, вступающих в конфликт с обществом, идеологией и властями, а лишь определенную часть оппозиционеров, которые делали публичные заявления, устраивали демонстрации, создавали группы. Их лозунгами стала борьба за гражданские свободы и права человека.

Вопрос об оценке значительности диссидентского движения, о силе его влияния на население страны и об отношении к нему населения является, пожалуй, наиболее сложным. Здесь любая точка зрения, по-видимому, может быть подкреплена фактами. Я хочу отметить здесь лишь следующее. Все, что было связано с диссидентством, составляло один из главных (а часто главный) предмет разговоров и размышлений в самых различных слоях общества. И хотя бы только как явление в области идейной жизни общества оно не имело себе равных по степени внимания. Было бы несправедливо отрицать то, что некоторые смягчения в области культуры в последние годы явились одним из следствий диссидентского движения. Даже власти благодаря диссидентам получали некоторое представление о реальном положении в стране, вынуждались к более гибким методам руководства.

К концу брежневского периода диссидентское движение пришло в упадок. Свою роль в этом сыграли репрессии со стороны властей. Но дело не только в этом. Были и другие причины. Упомяну лишь некоторые из них. Прежде всего, бросаются в глаза преувеличенные расчеты лидеров диссидентского движения на сенсацию, которая переросла в непомерное тщеславие и самолюбие. Многие видные диссиденты стали играть социальные роли, аналогичные ролям кинозвезд и популярных певцов. Концентрация внимания общественности на отдельных фигурах диссидентского движения и на отдельных действиях, ставших удобными штампами для журналистской шумихи, нанесла не меньший ущерб движению, чем погромы со стороны властей.

В диссидентское движение приходили, как правило, люди, не имевшие специального политологического, социологического, философского образования и навыков понимания явлений общественной жизни. Исторически накопленная культура в этой об-

ласти игнорировалась совсем или подвергалась осмеянию. Достаточно было обругать советское общество и разоблачить его язвы, как разоблачающий автоматически возносился в своем самомнении над официальной советской наукой и идеологией, воспринимая себя единственно правильно понимающим советское общество. Достаточно было подвергнуться репрессиям, чтобы ощутить себя экспертом в понимании советского общества.

«Третья волна». Одним из важных явлений брежневского периода была массовая эмиграция на Запад, получившая название «третьей волны». Первой эмигрантской волной считалась после-революционная эмиграция. Во вторую волну включали советских граждан, попавших на Запад в связи с войной с Германией 1941—1945 годов и оставшихся там.

По своему социальному составу, по причинам, мотивам и целям «третья волна» была чрезвычайно разнообразной. Одни покинули страну с намерением лучше устроиться на Западе в материальном отношении, другие же — вследствие неудовлетворенности своим положением в Советском Союзе. Одни эмигрировали добровольно, других спровоцировали на это или вытолкнули насильно. Как массовое явление «третья волна» явилась результатом совпадения многих причин. Она началась отчасти стихийно, отчасти была подогрета западной пропагандой, отчасти была сознательно спровоцирована советскими властями с целью очистить страну от неугодных людей. Но, несмотря на все это, она все-таки была социально целостным феноменом. Чтобы понять ее целостность и ее характер в целом, нужно принять во внимание следующее методологическое обстоятельство.

«Третья волна» была типичным примером массового процесса. В нее были вовлечены многие миллионы людей. Это прежде всего сами эмигрировавшие и желавшие эмигрировать. Их были сотни тысяч. Причем это были представители далеко не самых низших слоев населения. Во всяком случае, в еврейскую часть ее входили люди, занимавшие социальное положение на средних уровнях социальной иерархии и выше. Большинство имели высшее и специальное среднее образование. Многие были известными в стране людьми, занятыми в сфере культуры и науки. В «третью волну», далее, были вовлечены миллионы людей из окружения фактических и потенциальных эмигрантов. Они так или иначе переживали эмигрантскую ситуацию и обсуждали ее.

В нее, наконец, были вовлечены органы власти Советского Союза, а также средства массовой информации Запада и большое число людей, по тем или иным причинам занятым в эмигрантских делах. Короче говоря, это было явление большого социального масштаба, занимавшее внимание значительной части человечества в течение многих лет и оказавшее заметное влияние на ситуацию как в Советском Союзе, так и в западном мире.